

«Мир держится деяними... человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, мне враждебен...»

Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. — Есть предложение от Горького, — сказал мне Владимир Ильич, — прощаясь со мной, когда я уезжал нелегальным из Жене-вы (в 1905 году. — Ред.), — организовать за границей издание его произведений, а также и других писателей, входивших в группу «Знание», с тем, чтобы доход от этих изданий поступал в кассу нашей партии...

Отношения мы к сочинениям М. Горького крайне сочувственно и в 1904 году, когда появилась его книга «На дне», издали в нашей «группе содействия с. д. партии» в Же-неве фотографии отдельных моментов из этой книги. Их с большой охотой раскупала у нас русская публика на всяких вече-ринках, рефератах и общественных собра-ниях как в женеvской колонии, так и во всех других европейских городах. На вече-рах русской колонии того времени произ-ведения Горького охотно читались, вызывая постоянно гром аплодисментов...

С паспортом моего знакомого Циммерма-на двинулся я прямым путем на юг, в Крым, взяв адрес Алексея Максимовича у Чирикова...

(В. Н. Чириков — один из писателей группы издательства «Знание». — Ред.).

...Когда я говорил название дачи и спра-шивал фамилию ее владельца, мне многие отвечали, что они не знают, но когда вдруг случайно спросил, где здесь живет Горький, то первый же встречный сказал мне:

— Алексей Максимович? Да там, на го-ре...

Так, называя то его имя, то его фамилию, я быстро дошел до той улицы, где жил Горький...

Я сказал (Горькому. — Ред.), что приехал из-за границы, что у меня имеется поруче-ние от партии переговорить с ним по пово-ду издания в Берлине или в Женеве его произведений и произведений некоторых писателей, что я об этом уже говорил в Пе-тербурге с Чириковым а теперь приехал в Ялту специально для того, чтобы обсудить это дело с ним лично

Алексей Максимович сразу оживился и стал рассказывать с том плане, который у него имеется по этому поводу...

Мы разговорились о делах, сейчас же нашли общих знакомых и через какие-ни-будь полчаса оживленно беседовали о всех последних политических новостях и собы-тиях. Алексей Максимович хранил в себе особую тайну привлекательности, какой-то подход к людям, совершенно исключитель-ный и чрезвычайно редко встречающийся. Он ставил и себя и слушателя в такое по-ложение, что ничего другого не оставалось, как только уж если беседовать, то беседо-вать по душам, откровенно и идейно на-пряженно...

Это мое первое знакомство с Алексеем Максимовичем сразу глубоко расположило меня к нему. Я увидел перед собой челове-ка искреннего, убежденного, обуреваемого огромной внутренней работой, растущего, как русский богатырь, но не дням, а по ча-сам, все более вращающегося в социаль-но-демократическую среду и кровно интере-сованного движением рабочих масс. Здесь он был неутомим в расспросах, желая знать решительно все и не только героическое и положительное, но общественно и лично отрицательное.

«Самое важное для меня в этой беседе было то, что А. М. Горький отнюдь не был аполитичным человеком, как пытались ри-совать его многие завистники из литератур-ной среды и так называемого «общества», которое было в недовольстве, как отнеслись к нему, этому выходцу из народных низов, властью, которому петербургский мир со своими собственными мнсениями, суждения-ми, привычками, манерами, не желавшему подчиняться установленному канону чо-повной столичной, действовавшего смело, ув-лекавшему десятки тысяч наиболее чуткой молодежи...

Апрель 1941 г.

Из воспоминаний В. К. Зайцева (1913):

Я видел Горького в последний раз восемь лет назад, осенью 1905 г. Жил он тогда на Воздвиженке, против архива Министер-ства иностранных дел. Мне пришлось у не-го быть раза два. Помню атмосферу кипи-щей сутолоки в квартире. Видно, что по-стоянно приходят посетители, знакомые и незнакомые, и ведет их сюда обаяние име-ни, облика хозяина. Помню и его самого — высокого, несколько сутулого, широкопле-чего. Тогда кончался «блужный» период рус-ской литературы. Надо сказать, что на Горького была всегда имела вид настоя-щий, не оперный Вообще, когда его вспо-минаешь, то самое лучшее в зрительном впечатлении — это народное, грубоватая некрасота лица, но большая его характер-ность и тот мужичий аристократизм, ко-торый свойствен, например, лицу Толстого. Хорош у него был говор — тоже очень ко-ренной, крепкий. Думаю — отсюда же лу-чшие черты его дарования.

Он был тогда очень оживлен, внима-телен, интересен. Действовал на собеседника, особенно молодого, сильно. Не говорю уж о социал-демократах, смотревших ему в рот.

Этот человек, в котором, быть может, именно человек ярче художника, — восемь лет пробыл вне родины. Родину он любил и любил, хотя, кажется, очень по-интели-гентски. Родине он дал, что мог, жизнь свою литературную прожил серьезно, чес-тно, и потому облик его имеет значитель-ность.

Родина может и должна его приветство-вать. И помнить о самом хорошем, что в нем есть.

«У нас начинает слагаться новый слой людей. Это — мещанин, героиче-ски настроенный, способный к на-падениям. Он хитер, он опасен, он про-никает во все лазейки. Этот новый слой мещанства организован гораздо сильнее, чем прежде, он сейчас более грозный враг, чем был в дни моей мо-лодости».

Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича: «Особенно остро с продовольственным вопросом было в Петрограде. Город стоял на отшибе: с севера к нему ничего не по-ступало для снабжения, а то, что шло с юга, нередко перехватывалось в пути, и до Петрограда доходило очень немного про-дуктов. Приходилось слышать, что там по-ложение ученых, литераторов, художни-ков ужасное. Петроградский Совет, во главе которого в то время стояли не очень-то заботливые и понимающие положение вещей люди, мало принимал мер для под-держания питания этих слоев населения. Я прочел и перечел... письмо (академика И. П. Павлова, присланное 3 июля 1919 г., разрешить ему отъезд за границу. — Ред.). Глубоко понимая и переживая все то, что писал наш знаменитый ученый, я сейчас же пошел к Владимиру Ильичу и молча подал ему письмо Ивана Петровича. Владимир Ильич стал быстро читать его.

— Да, он прав, он совершенно прав! — вос-

М. ГОРЬКИЙ

Мы достаточно умны, чтобы жить лучше

Любые свидетельства об Алексее Максимовиче Горьком бесконечно доро-го нам. Незыблем авторитет великого революцион-ного писателя и челове-ка, не теряют весомости его провидческие слова и беспрецедентный вклад в отечественную и миро-вую культуру. Жизнен-ная и творческая энергия Горького сродни энергии титанов Возрождения, а деятельная вера в чело-века и пламенная любовь к Отечеству — возвыша-ющий пример для новых поколений.

Несколько слов об ав-торах предлагаемых ва-шему вниманию воспоми-наний. В. Д. Бонч-Бруе-вич (1873—1955 гг.) — го-сударственный и партий-ный деятель, доктор пе-дагогических наук, член РСДРП с 1895 года. В описываемое им время Владимир Дмитриевич был заведующим экс-плуатационной эскадри-ей ЦК РСДРП в Же-неве (1903—1905 годы), выступал организатором большевистских книгоиз-дательств.

На это же время при-ходится и сотрудничест-во с петербургским ки-ноиздательством товари-ществом «Знание». Тowa-рищество ставило перед

собой просветительские цели. В массовой серии «Дешевая библиотека» выходили произведения А. Куприна, Л. Андреева, Н. Бунина, А. Серафимо-вича, И. Шмелева, В. Ве-ресаева. Издавался «Зна-нием» и Горький...

Второй фрагмент вос-поминаний В. Д. Бонч-Бруевича относится к 1919 году, когда он был управляющим делами Совнаркома. Обществен-ная деятельность Горько-го в то время была мно-гогранной. Он помогал организовывать 1-й Ра-бочий университет, Боль-шой драматический те-атр в Петрограде, высту-пал инициатором цело-го ряда изданий, прилагал много сил для сохране-ния художественно-исто-рических ценностей. Особой заботой писателя была помощь интелли-генции в самые тяжкие дни жизни страны. В част-ности, в рамках комис-сии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ).

В нашей публикации использованы воспоми-нания художника В. И. Яковлева, который ра-ботал над портретом Горь-кого в подмосковных Сер-геева-Ценского и Б. Зай-

цева, письма и выступле-ния самого Алексея Мак-симовича, а также сцена-рий документального фильма «М. Горький. Пос-ледние годы», показанно-го по Центральному теле-видению в преддверии 120-летия со дня рожде-ния великого пролетар-ского писателя.

Особое место уделено работе писателя над ро-маном «Жизнь Клима Самгина», эпопее, вобра-вшей в себя многолетние размышления Горького о судьбах страны, о судь-бах русской интеллиген-ции. Послеэвтра мы уви-дим первую серию теле-визионной версии этого великого произведения, не потерявшего актуаль-ности и для нас, сегод-няшних. Потому, в част-ности, что роман этот являл собой пример ист-инного художественного осмысления исторических событий, что представ-ляется поучительным для многих пишущих о собы-тиях давнего и недавне-го прошлого.

Часть материалов пуб-ликуется впервые, часть — по машинопи-сным экземплярам с ав-торской пометкой. И то и другое хранится в отде-ле рукописей Государ-ственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

А. М. Горький. Морозовка, 1928 год.

ловиях, создавшихся в Петрограде, погиб-ли, умерли, перечислив всех тех, кто на-кануне того, чтобы умереть. Говорил о тех, кого еще можно спасти, подкармливать, позаботившись о них, и Владимир Ильич вы-слушивал все это с величайшим внима-нием и напряжением. Он сказал Алексею Максимовичу, что надо сделать решитель-но все, чтобы помочь этим специалистам, литераторам и ученым пережить лихолетье нашего времени. И что он надеется, что Алексей Максимович, став во главе этого дела, сумеет со своими друзьями организо-вать все, как будет нужно, причем эти по-мощь, постоянную и упорную, он твердо обеспечивает своей поддержкой...

Алексей Максимович уехал тогда из Мо-сквы с огромным подъемом революцион-ных чувств. Он несколько раз до отъезда виделся с Владимиром Ильичем. Во второе и следующие его посещения он говорил уже совсем иным образом и давал совершенно иные оценки ряду событий и ряду наблю-дений над жизнью в Петрограде, чем это делал раньше.

Владимир Ильич был чрезвычайно рад слышать от него эти новые, полные рево-люционного пафоса, размышления, и гово-рил всем нам, что Алексей Максимович, ка-жется, действительно серьезно понял зна-чение Октябрьской революции, значение нашей борьбы, и он все ближе и ближе становится к нам. И, немножко подумав, сказал:

— Он будет наш, во что бы то ни стало. Я в этом не сомневаюсь...

Май 1941 г.

Из сценария фильма «М. Горький. По-следние годы»

Горький: «Хочу изобразить тридцать лет жизни русской интеллигенции. Изобразить все классы, «течения», «направления», всю алову суматоху конца века и бури начала двадцатого. Интеллигенция, считавшая себя революционной, в сельском и восьмом годах начала круто уходить вправо. У меня появи-лось желание дать фигуру такого интел-лигента. Я его знал лично и в довольно большом количестве. Это тип индивидуали-ста, человека непременно средних интеллек-туальных способностей...

Роман сводит меня с ума. Работано по де-сять часов в день. Первый раз пишу такое!.. Может быть, это покажется смешным или даже фальшивым, а я все еще не знаю, как надо писать, и учусь...

Принимая: «А я несколько не удивился, Алексей Максимович, что вы учитесь писать и не очень верите в написанное. Это гово-рят в вас самые густые капли, которые оста-ются на дне вашего бокала. Я только эти-ми каплями и живу... Спасибо вам за «Кли-ма». У меня осталось впечатление, что эта книга — вступление к огромной эпопее, что самое главное вперед!»

Фадеев: «Неужели вы все это перевидали и перепрыгали? Даже страшно делается. Ясно, что так жить дальше было совершен-но невозможно, ясно почему именно в этой стране первой произошла революция... Это произведение исключительной мощи, и тем-перamenta, и ума...

Гладков: «Только что прочел вашего «Самгина», и в душе у меня угарная му-ть... Тяжелый кошмар... Очень вы много гово-рите о человеке, а мне кажется, вы не лю-бите людей, презираете их и глумитесь над

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

С. Т. ГРИГОРЬЕВУ, 15 марта 1926: «Жили мы — и жи-вем до сего дни истин-ным голодом, откуда ис-текло все, жемчужное цивилизации, истин-ного любви, создавшим все, что мы зовем куль-турой, и вот надомчим накануне возникнове-ния третьего инстинкта, который неизбежно дол-жен возникнуть на поч-ве всех наших трагиче-ских разочарований. Вообразите, что бу-дет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не-о том, как удобнее

жить, а о том — зачем жить. Вот что я думаю. Это ОДНА из тем моего романа...» А. П. ЧАПЫГИНУ, 1 мая 1926: «...пишу нечто «про-щальное», некий ро-ман-хроника сорока лет русской жизни. Боль-шая — измеряя фун-тами — книга будет, и сидеть мне над ней го-ди полтора. Все наши «свой быки» хочу изоб-разить, все секаторы, жертвы истории за го-ды с конца 80-х и до 18-го. Горю, что, бо — здоровье грешит, а жить

трудно, денег и мне не платят. Пишу — не от-вечаю. На семи дубах Госиздата сидит како-то неведомый челове-чек и — молчит не-преклонно. А должен же Госиздат сидеть много». Ольга ФОРШ, 15 де-кабря 1926: «...все не русские сильные люди кажутся мне более крепко свя-занными изнутри, чем наши люди. А наши люди — вот: уминая и прядущий-нейший Савва Морозов, хороший друг мой, ис-крепный революцио-нер, — застрелился. Сав-

ва Мамонтов, человек энергичный, красивый по духу, поставивший на ноги «жизнь во святых» ху-дожников наших Ва-нецовых, Поленова, Вру-беля, Шаляпина и еще мнозих... уезжал в тюрь-му как лютый бан-крот, был забыт всеми, кому он делал великое добро, и умер в на-строении Тихона Афи-наского Гордей Чернов — чудовище нижегород-ское, талант, разбой-ник, миллионер, бросив богатое дело свое на-ходи, тайно ушел на Афон-старый, конче-

но — в монахи. Н. А. Буг-ров, удельный князь нижегородский, облада-тель капитала в 60 ми-ллионов, филантроп, го-ворил мне в 903 году: «Эри по земле бегем, А. М., милый, и оттого бегаем, что стаять креп-ко не на чем». Судостроитель Журавлев, зна-менитый на Волге... и приятель: «Всю жизнь я суда строил, а пустыря в душе своей не мог застроить». Я мог бы показать вам еще десятка полтора таких же больших лю-дей, и все — с пусты-

рем» в душе. Присмат-ривался к ним очень зорко и — с любовью. Именно — с любовью. Русский «пустырь» — штука куда более стра-шная, чем это чув-ствовал Федор Достоев-ский... Я думаю, что нигде в мире нет столько преступлений из любо-пытства, из желания изжариться перед со-бою, из озорства и т. д. — нигде, как у на-ших «сильных» людей. «...Может быть, и мне удастся сказать что-то по этому поводу, в ро-мане, который я пи-шу...»

«...думаю, что пришла пора не-множко и дружески помянуть над людьми и над хаосом, устроенным ими на том месте, где давно бы пора играть легкой и веселой жизни. Мы достаточно умны, чтобы жить лучше, чем живем, и достаточно много стра-дали, чтоб иметь право смеяться над собой».

Из письма к М. Зощенко от 25 марта 1936 г.:

«...Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профес-сией. Никогда еще и ни у кого страда-ние не возбуждало чувства безразличия. Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрип-ки», «лейтмотива», основной мелодии жи-зни. Разумеется, — оно вызывало вполне реальные причины социологического характера, это — так!

Но в то время, когда «просто люди» бо-ролись против его засилья хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монасты-ри, в «чужие края» и т. д., литераторы — прозаики и стихотворцы — фиксировали, углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то, что даже самому страдаю-щему богу страдание опротивело и он взмолился: «Отче, прониеси мимо меня чашу сию!»

Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить...

...Из церкви идея неизбежности и спаси-тельности страдания вошла в искусство как основная его тема, и, фиксируя страдание, искусство слова снизилось до раздачи сло-весной милостыни, возбуждая в людях ко-кетство и хвастовство пережитыми мука-ми, а поэты и прозаики, «придавая себе тощий вид, ради людских похвал и сует-ной славы», гордились и чванились своей ролью сеятелей добреньких и красивеньких слючей.

Высмеять профессиональных страдаль-цев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович, высмеять человека, который, обнимая любимую женщину и уколол палец булавкой, уничтожает больно укола лю-бовь свою, человека, который восхитил-ся могучей красотой Кавказа до поры, по-ка не запнулся за камень на дороге, ушиб большой палец на ноге и — проклял «урод-ливое нагромождение чудовищных кам-ней», — высмеять всех, кого идиотские мел-очи и неудобства личной жизни настраи-вают враждебно к миру...»

Из воспоминаний художника В. Н. Яков-лева:

«...Версты за верстами знакомой дороги: все реже встречи. Поворот, а там протяну-лись просеки, изредка прерываемые мо-щными гравием участками. Вот и желтый забор. По дорожке, с белым грибом в ру-ках, шагает знакомая всему миру фигура. Здороваемся. Он улыбается скрытой в гу-стых усах, какой-то милой, ему так присущей улыбкой. Низкий басок, немного пре-рывистый голос. Проходим в дом. Я при-ехал работать портрет Алексея Макси-мовича. Уговариваемся о начале сеансов. С губочайшим увлечением приступил я к работе. Незабываемо интересные часы, про-веденные в живом общении с Алексеем Максимовичем. Мне жаль беспокоить его неприятной профессиональной просьбой: «Алексей Максимович, можно вас просить не сердиться, вот к сестру немного повер-ните голову». Нет, пусть труднее работать, но зато как изумительно живет это лицо, переходя от лукавой прятнувшейся улыбки до глубокой задумчивости. Каким всеобъем-лющим эрудитом незаметно проявляет он себя. Его беседы вскрывают иногда одним словом, одной короткой меткой метафорой целый литературный или бытовой образ. Его оценки посетителей, писателей всегда глубоко благожелательные, отличаются та-ким мастерством критического анализа, ко-торому хорошо бы... поучиться профессио-нальным критикам. Спрашиваю у него об одном большом зарубежном писателе...

«Словесный материал у него богатый, только пользуется он им как-то не так... не так, как нужно. Если, скажем, слово му-ка, то из него кулебяки печь нужно, пыш-ки, пироги, а с него к сестру немного повер-ните голову». Нет, пусть труднее работать, но зато как изумительно живет это лицо, переходя от лукавой прятнувшейся улыбки до глубокой задумчивости. Каким всеобъем-лющим эрудитом незаметно проявляет он себя. Его беседы вскрывают иногда одним словом, одной короткой меткой метафорой целый литературный или бытовой образ. Его оценки посетителей, писателей всегда глубоко благожелательные, отличаются та-ким мастерством критического анализа, ко-торому хорошо бы... поучиться профессио-нальным критикам. Спрашиваю у него об одном большом зарубежном писателе...

«Словесный материал у него богатый, только пользуется он им как-то не так... не так, как нужно. Если, скажем, слово му-ка, то из него кулебяки печь нужно, пыш-ки, пироги, а с него к сестру немного повер-ните голову». Нет, пусть труднее работать, но зато как изумительно живет это лицо, переходя от лукавой прятнувшейся улыбки до глубокой задумчивости. Каким всеобъем-лющим эрудитом незаметно проявляет он себя. Его беседы вскрывают иногда одним словом, одной короткой меткой метафорой целый литературный или бытовой образ. Его оценки посетителей, писателей всегда глубоко благожелательные, отличаются та-ким мастерством критического анализа, ко-торому хорошо бы... поучиться профессио-нальным критикам. Спрашиваю у него об одном большом зарубежном писателе...

«Словесный материал у него богатый, только пользуется он им как-то не так... не так, как нужно. Если, скажем, слово му-ка, то из него кулебяки печь нужно, пыш-ки, пироги, а с него к сестру немного повер-ните голову». Нет, пусть труднее работать, но зато как изумительно живет это лицо, переходя от лукавой прятнувшейся улыбки до глубокой задумчивости. Каким всеобъем-лющим эрудитом незаметно проявляет он себя. Его беседы вскрывают иногда одним словом, одной короткой меткой метафорой целый литературный или бытовой образ. Его оценки посетителей, писателей всегда глубоко благожелательные, отличаются та-ким мастерством критического анализа, ко-торому хорошо бы... поучиться профессио-нальным критикам. Спрашиваю у него об одном большом зарубежном писателе...

Характерной особенностью Горького, про-тивопоставляющей его людям, говорящим об искусстве, но не делающим его, являет-ся согретое какой-то особенной теплотой отношение к брату, чужое и осторожное. Так относиться может только сильный. Да-же о людях враждебных ему литератур-ных лагерей он говорит с беззлобной, пра-ва, иногда иронической улыбкой. Его вера в людей, строгий рев к новой жизни, его горячая и энергичная речь, когда он вдруг из близкой нам области искусства пере-ходит в область техники, так заражает бо-дростью и силой.

«Сталь вот первую выпустили, — говорит он, отрываясь от свежего газетного номе-ра. — Это хорошо. Какие люди-то у нас. Вот в Иваново-Вознесенске один парень хлопот предложил сесть... ведь прежде-то его в сумасшедший дом, а теперь ниче-го, говорят — делай. А ведь сделал, добился. Нет, с такими людьми хорошо жить и рабо-тать! Все можно сделать!»

Я думаю, что в эпоху Ренессанса люди обладали той же жизненной энергией, той же волей, теми же творческими потен-циалами. Горький для меня — символ той си-лы, концентрированная энергия которой способна пересоздать мир и так радостно слушать его, запечатлевая на холсте черты лица человека, который через сто лет ста-нет легендой.

(Не ранее 1933 г.).

Публикацию подготовил И. ДЯКОВ при участии Ю. ЛУБЧЕНКОВА.